

Дарья Лукешина

ВОСКРЕШЕННАЯ

18+

Дарья Лукешина Воскрешенная

<https://litres.ru/74071901>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь Ники разделилась на "до" и "после" сразу после того, как она шагнула на проезжую часть, надеясь спасти призрака. Один миг лишил ее жизни и дал взамен Ангельский чин и безнадёжного подопечного в качестве бонуса. Только вновь обретенная возможность быть среди живых не продлилась долго. Одно неловкое обещание - и вот она уже Воскрешенная, а по ее следу идет Посланник Ада...

Спасение души, опутанной печатями Света и Тьмы; противостояние Ангелов и Демонов; разрыв реальности и угроза всему живому.

От автора: Старт: 20.06

График выхода глав: ВТ / ЧТ / СБ

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	7
Ника	7
Глава 1. Ника	26
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дарья Лукешина

Воскрешенная

ПРОЛОГ

— Можно личный вопрос? — мужчина поправил простыню на своем теле и сел на кровати, облокотившись на стену.

Ника сидела на столе напротив, обнимая одну ногу и покачивая в воздухе второй.

— Ты лежишь голый в моей постели. Думаю, это дает тебе право на личные вопросы, — в голосе прозвучала усмешка, однако лицо осталось непроницаемо спокойным.

— Если бы тогда ты не умерла, какой была бы твоя жизнь сейчас? — он склонил голову набок и сжал губы в ожидании ответа.

Задумавшись, она подтянула к лицу второе колено. Ее длинные темные волосы разметались по обнаженным плечам. Ответ крутился на языке, но отвечать девушка не торопилась. Ей нравилось наблюдать за его ожиданием. Мужчина был спокоен, его черные глаза грели ее душу, хотя сама она не была уверена в том, что душа у нее все еще есть.

— Неужели все так сложно? — наконец спросил он, мягко улыбаясь.

Она не удержалась и улыбнулась в ответ.

— Когда я была жива, — начала Ника, но вдруг запнулась, подбирая подходящие слова. — Знаешь, тогда я не думала о смерти. Потом я умерла, — она снова замолчала, он не спускал с нее глаз. — И мне казалось неуместным думать о жизни. Я правда не знаю, в чем заключается жизнь. Ведь сейчас здесь мы с тобой дышим, разговариваем и вроде даже живы

— Мы не живы, — перебил он, слегка нахмурившись.

— Да, знаю, — устало согласилась она. — Они вернули меня, они позволили тебе прийти ко мне, но есть что—то наше, что они оставили себе. И без этого мы не можем жить.

Девушка многозначительно цокнула языком и ткнулась носом в свои колени.

— Это не конец, — извиняющимся тоном добавил мужчина, закинув руки за голову.

Ей захотелось соскользнуть со стола, забраться под простыню и зарыться пальчиками в его густые черные волосы. Вместо этого она склонила голову, как это ранее сделал он, и ободряюще улыбнулась.

— Я не боюсь, — шепнула она.

— И все—таки, если бы ничего этого не случилось, чем бы ты жила? Ведь у тебя была мечта? — он знал все о ней, но ему хотелось слышать ее голос снова и снова.

— Ты все знаешь, — упрек звучал абсолютно безобидно.

— Хочу услышать от тебя.

— Я уехала бы к морю. На край света. Туда, где никто обо мне не знает, где я смогла бы начать с чистого листа. Так что,

если однажды ты меня потеряешь – тебе будет нелегко отыскать меня снова, — она пожала плечами, и длинный локон скатился с плеча на спину. — А ты? Что было бы с тобой тогда, если бы ты не умер?

Он знал ответ на этот вопрос с тех самых пор, когда впервые увидел ее.

— Если бы для того, чтобы найти тебя, мне пришлось умереть, я умер бы тысячу раз. Остальное неважно.

— Когда все закончится, — шепотом начала Ника, опасаясь даже думать о том, что им придется расстаться.

Тот, с кем ее связала судьба, ответил, не страшась:

— Встретимся на краю света.

Глава 1

Ника

— Боишься? – усмехается незнакомый голос.

Слишком темно, чтобы понять, где я и с кем я. Опускаюсь на колени и упираюсь ладонями в твердую шершавую поверхность, тяжело глотая пыльный воздух.

— Ответь мне, — требует голос в темноте.

Я приподнимаю голову и широко раскрываю глаза на встречу окружающей меня пустоте. Ощущение собственной беспомощности отзывается дрожью в ноющем от боли теле.

— Кто ты? — говорить тяжело, будто у моего голоса садится зарядка.

— Не видишь меня?

Раздается щелчок, и темнота неспешно покидает поле моего зрения, уступая место фиолетовому зареву ночного неба. Поднимаюсь с колен и делаю несколько шагов вперед, оказываясь у края крыши высотного здания. Бросаю мимолетный взгляд вниз. Этажей пятнадцать, не меньше. Где-то внутри сжимается сердце. Ватные ноги отказываются держать меня, и я опускаюсь на поверхность крыши, вцепившись побелевшими пальцами в бортик, отделяющий меня от холодной пустоты осеннего неба.

Вдалеке слышны вопли. Жуткие. Нечеловеческие. Все еще не понимаю, где я: во сне, в незнакомом прошлом или на грани пророчества.

— Нравится? — вдохновенно шепчет голос за моими плечами.

Неспешно оборачиваюсь, желая и в то же время опасаясь встречи с невидимым собеседником, как вдруг все исчезает.

Я снова открыла глаза и обнаружила себя на кровати в родной комнате, озаренной нежным летним рассветом. Еще несколько минут я не могла оторваться от созерцания трещинки на потолке, пока пыталась воссоздать в голове детали сна. Неприятная слабость охватила тело, приковывая его к холодной постели.

Окно было распахнуто настежь. Июньская свежесть холодила тело тысячами мелких иголочек. Хотелось съежиться, но я не могла заставить себя пошевелиться.

Не знаю, сколько прошло времени, когда мерзкая липкость после страшного сна отпустила мое тело, и я наконец пришла в себя. Стянув с себя невидимую паутину, я аккуратно села на кровати. Тело с неохотой реагировало на приказы мозга.

Собравшись с мыслями, я поднялась и подошла к окну. Вид с седьмого этажа сильно уступал по силе воздействия на подсознание виду из моего сна, однако я почему-то вцепилась в подоконник, всматриваясь в крыши соседних пятиэтажек. Странное ощущение не покидало меня. Мне и рань-

ше снились неприятные сны, но только сейчас все было настолько реально, что я потеряла контроль над собственным разумом и телом. Более того, мне по-прежнему мерещилось чье-то присутствие.

Я внимательно осмотрела комнату. На столе у окна разбросаны бумаги, вероятно, потревоженные ветерком из раскрытого окна. Мерно мигает синим кнопка монитора. Часы на полке выше стола толкают стрелки к пяти часам утра. От рабочего стола перекинула пристальный взгляд на кровать у стены. Ничего необычного, кроме постели, смятой так, будто эту ночь я провела в ней не одна. Шкаф возле кровати угрюмо посмотрел на меня в ответ сквозь высокие зеркала. На пару секунд я задержалась на своем отражении.

В длинной белой футболке бывшего парня я отчасти напонила себе пациентку психиатрической лечебницы. Растрепанные темные косы, как и постель, намекали на мое беспокойное поведение этой ночью. Столкнувшись с собственным взглядом в отражении, я вздрогнула и тут же отвела глаза, признавая победу двойника, усмехающегося мне из зазеркалья.

Я осмотрела кресло и книжную полку справа от окна и поймала себя на мысли, что давно не протираю пыль в этой области комнаты. Я тихо подошла к полке, уходящей вверх под самый потолок. Пробежавшись пальцами по пыльной деревянной поверхности, я уперлась в настольный светильник. Читая в кресле, я всегда направляла его так, чтобы свет па-

дал из-за моего плеча на страницы книги. Сейчас светильник был изогнут так, будто прошлой ночью я читала, сидя на полу у кресла, чего я не делала, если, конечно, моя память верна мне. Полка выше еще со школьных лет была отведена под любимые фотографии. Я осмотрела каждую рамку, снова и снова переживая моменты, запечатленные на снимках.

Вот мама улыбается, сидя на сочной зеленой траве где-то в лесу недалеко от города, - это наш первый совместный выходной после моего выпускного в школе. На следующем снимке я впервые встала на ролики и была так неуклюжа, что мой близкий друг не мог этого не запечатлеть. А вот и фото этого друга: мой дорогой Пашка, сжимающий меня в своих крепких объятиях на этом черно-белом снимке. Это фото всегда вызывает ностальгию по университетским дням, когда мы с ним были неразлучны. А сейчас его супруга считает меня опасным объектом, которому не рекомендуется приближаться к их браку. Так смешно и так больно одновременно.

Я перешла к следующей фотографии и застыла. Одного снимка в рамке не хватало. Фото, на котором я стою в белом платье и с полевыми цветами в волосах, куда-то пропало. Я внимательно пошарила рукой в пространстве между полкой и книжным рядом, но ничего не нашла. Я еще раз осмотрела всю комнату, фотографии нигде не было. Ничего, позже спрошу у мамы. Вероятно, она взяла ее для какой-нибудь особо важной миссии.

Из размышлений меня выдернул резкий звонок в соседней комнате. Мамин будильник настойчиво верещал еще несколько секунд, пока мама не хлопнула его по металлической крышечке. Пять двадцать. Теперь мое утро официально началось.

Уже через пару минут в комнату проник аромат крепкого кофе, и я, словно ведомая им, на цыпочках направилась на кухню.

Мама наполовину высунулась в раскрытое настежь окошко, торопливо докуривая тонкую сигаретку. Сквозь окно в кухню прошмыгнул едкий сигаретный дым вперемешку с запахом мокрой травы, доносящимся откуда-то снизу.

— Разве ты не бросила? — мой укор отточенным лезвием гильотины разорвал тишину, царящую в кухне.

Застигнутая врасплох, мама поперхнулась дымом и, откашлявшись, слезла с подоконника. Избегая смотреть мне в глаза, она начала предпринимать бурную деятельность по приготовлению бутербродов на завтрак.

— Мам? — я присела на стул прямо за ней, ожидая ответа.

Мама повернулась ко мне и, с видом нашкодившего ребенка поправив выбившуюся из пучка белокурую прядь волос, виновато пробормотала:

— Я бросила. Почти, — она тяжело вздохнула. — Это все нервы. Мне снился плохой сон, — оправдалась она.

Я сделала глоток кофе из ее чашки и понимающе кивнула, на время забыв о проблеме курения в нашей маленькой

семье.

— Да, мне тоже сегодня кошмарилось, — на выдохе согласилась я.

— Это из-за духоты, — предположила мама. — Хорошо, что жара спала. Сегодня обещают грозу.

Она включила радио, и комнату наполнили звуки поп-новинок этого лета. Я нехотя закинула в себя небольшой бутерброд с маслом и джемом и выпила половину чашки кофе, который мама приготовила для себя.

— Есть собеседования на сегодня? — спросила мама, старательно впихивая куриную котлету в пластиковый контейнер.

Вопрос собеседований стоял как нельзя остро. Впрочем, не острее, чем все остальные вопросы моей жизни. Но обо всем по порядку.

— Нет, пока ничего не намечено, хотя я открыта к предложениям, — я натянула бодрую улыбку, но мама, уловив фальшь, нахмурилась.

— Мне жаль, что все так вышло, — она склонилась надо мной и чмокнула меня в лоб. Запах сигарет и кофе на секунду затмил мое обоняние.

— Все нормально. Бог бережет меня для лучшего начальника и лучшего парня, — отмахнулась я.

Мама закончила завтрак и отлучилась в душ. Прихватив оставшуюся половину кофе, я вернулась в свою комнату. По привычке села на подоконник, глубоко вдыхая утреннюю

прохладу и рассматривая очертания церквей и многоэтажек вдали.

Жизнь действительно приобретала какой-то непонятный цвет. Какой цвет олицетворяет то, что в командировке меня пытался изнасиловать мой руководитель, а в это время жених на нашей постели познавал эрогенные зоны моей подружки? Кажется, это что-то коричневое. Да, определенно коричневое. И не имеющее никакого отношения к шоколаду.

Я поморщилась, вспомнив события последних двух месяцев. Наверное, я вполне пережила бы то, что случилось в Каире. В конце концов, я поняла, что в момент паники напрочь забываются все приемы самообороны и в ход идет все, чем можно ударить. Мне здорово помогла дорогая пепельница. Спасибо дизайнерам отеля и, конечно, самому Громову за то, что он курит. Наверное, именно из-за него я теперь начинаю терять самообладание, когда моего обоняния касается сигаретный дым.

В голове промелькнули картинки той ночи в люксе отеля. Я принесла Громову документы по закрытой этим же вечером сделке. Номер был открыт, я вошла и осмотрелась. Нетронутая постель; костюм, брошенный на пуф. Я прошла вперед в поисках начальника.

Приглушенный свет и расслабляющая музыка сразу заставили меня напрячься, но не успела я распознать где-то внутри инстинкт самосохранения, как из ванной позади меня вышел Громов с полотенцем на поясе. Одним движением руки

он захлопнул входную дверь и направился ко мне.

— Весь вечер этого хотел, — он с силой прижал меня к стене, свалив попутно вазу с цветами.

Холодная вода полоснула ноги, и мой мозг очнулся. Я уперлась рукой в грудь Громова, по-овечьи бляя о том, что не понимаю, чего он хочет. Такое поведение шефа действительно было для меня сюрпризом. За два года, что я провела в его офисе в качестве личного помощника, он ни разу не подал ни малейшего признака интереса к моей персоне. Я знала его жену, его детей. Я видела, с каким трепетом он относится к своей семье.

— Константин Викторович, я принесла документы, — дрожащим голосом выдавила я, уворачиваясь от его поцелуев. В ответ на это он лишь громко рассмеялся и, кажется, завелся еще больше.

Бумаги посыпались на пол, я пыталась оттолкнуть мужчину, но тщетно — я слишком сильно уступала ему в габаритах.

— Расслабься, тебе понравится, — пьяно шептал он, облизывая мою шею и крепко сжимая запястья.

— Я буду кричать, — предупредила я и глубоко вдохнула, чтобы крикнуть, однако в эту же секунду в мое лицо прилетела хлесткая мужская пощечина.

Кажется, на мгновение я даже отключилась. Погас свет, и стихла музыка, но я четко осознавала, что мое тело, будто куклу, кинули на кровать. Я чувствовала, как чужие руки рвут на мне блузку и грубо сдавливают грудь. Шок после

удара начал сходиться, и я снова могла все видеть и даже владеть своим телом. Попытавшись выгнуться, я нарвалась на очередной удар – на этот раз менее сильный.

Громов отвлекся на молнию на моей юбке, а я нашарила пепельницу на прикроватной тумбе и, собрав в трясущийся кулак всю свою заячью смелость, ударила мужчину по голове. Его тело обмякло, прижав меня к кровати. Дрожа и всхлипывая, я сдвинула его и смогла выбраться.

У меня не было никакого желания проверять, жив он или нет. Я выскочила из номера и уже через несколько часов я нервно озиралась по сторонам, стоя под табло в аэропорту. Мне казалось, что сейчас он выскочит из-за толпы пассажиров и, окровавленный, укажет на меня пальцем. К слову, на мне все еще была рваная блузка и пленка его грязных поцелуев.

Плотнее укутавшись в легкий плащ, я снова уткнулась в расписание на табло. Уже через час я буду в самолете, где он меня не достанет. А еще через пять часов я рухну в объятия жениха, расплачусь и расскажу все. Он, конечно, разозлится и непременно отомстит за меня. Увы, тогда, сидя в самолете и мечтая о каменной защите любимого, я еще не знала, что эта ночь никогда не закончится.

А вот кофе в моей чашке закончился быстро. Я проводила маму на работу, пообещав ей не сидеть на подоконнике у открытого окна и взяв с нее ответное обещание не курить в течение дня.

Окунувшись в неприятные воспоминания, я снова ощутила на себе всю ту грязь, потому с подоконника я переместилась в теплую ванну с пеной. Лежа в воде, я уже не могла бороться с воспоминаниями. Ступишь туда одной ногой – погрязнешь весь.

В памяти всплыл один момент. Я так же лежала в ванне, перебирая пальцами пену, а рядом на перевернутом ведре сидел мой тогда еще любимый человек. Артем читал что-то об открытии многомиллионного бизнеса практически с нуля, а я разглядывала его светлую кудрявую шевелюру, морщинки на лбу и плотно сжатые губы, и меня устраивало абсолютно все – скрипучий диван, стул без спинки, ванная с местами обвалившейся плиткой и прочие прелести съемной квартиры класса «подешевле». Мне нужен был только Артем со всеми его бредовыми идеями и любовью к неглаженным футболкам.

В сердце что-то шевельнулось, и по щеке прямо в воду побежали слезы. Так же устало плача, я ехала ранним утром в такси из аэропорта. Грязная, пахнущая алкоголем и дорогим мужским парфюмом, я с трудом поднялась на пятый этаж и нашарила ключ на дне сумки.

Тяжелая дверь бесшумно открылась, и я вошла. С порога я ощутила запах благовоний, тянущийся откуда-то из спальни. Скинув верхнюю одежду, я прошла в комнату, стараясь ступать как можно тише, чтобы не разбудить и не напугать Артема, который знает, что я должна вернуться только через

пару дней.

Однако на пороге комнаты мне пришлось остановиться. В моей постели, освещенные бледным рассветом, лежали голые тела моего Артема и моей Марины. Я застыла, не зная, как реагировать. Слезы, кажется, уже кончились. Сказывалась усталость. Я подошла ближе и, взяв одеяло за уголок, стянула его на пол.

Первым проснулся Артем. Он протер глаза и уставился на меня, пытаясь понять, реальность это или сон.

— Ника? — не веря своим глазам, спросил он.

Я только пожала плечами и осуждающе покачала головой. Слов было много, но они будто столпились в ком где-то посреди глотки, не давая мне ни говорить, ни дышать. Дрожь снова охватила тело, и я, шатаясь, направилась к выходу из квартиры. Я слышала скрип того самого дивана, голос Марины, мат Артема и что-то еще.

— Ника, подожди, — в коридоре появилась Марина, укутанная в простыню с глупым цветочным узором. Всегда ненавидела это постельное белье.

Марина подошла ближе, пряча глаза за длинной челкой.

— Ты же знаешь, что я его со школы люблю, а он тебя выбрал, — оправдывалась она.

Я осмотрела ее, стоящую передо мной в простыне, с растрепанными рыжими волосами, и вдруг истерически рассмеялась. Пока там, в вонючем номере отеля, я терпела приставания пьяного уроды, здесь Артем защищал Марину от оди-

ночества и неразделенной любви.

Что было сил, я хлестнула Марину по щеке. Бить в этот вечер мне удавалось особенно хорошо. Моя бывшая подруга вскрикнула и разрыдалась. Из комнаты вышел Артем. Кажется, он что-то говорил о любви, но кто и кого любил, я уже не слышала. Мою любовь предали, а чужая меня не интересовала. В рваной блузке и грязной юбке я вышла навстречу просыпающемуся городу. В тот самый момент мне хотелось исчезнуть навсегда без возможности видеть, слышать, чувствовать и помнить. Но я лишь поймала такси и вернулась к маме.

Пока я оплакивала свое недавнее прошлое, вода в ванне остыла. Я вылезла из ванны, случайно глянув в зеркало, остановилась и осмотрела себя. За эти месяцы я похудела на несколько килограмм, и теперь вместо стройной спортивной девушки в зеркале видела измученную барышню. Кажется, труп невесты – уже не просто образ на Хэллоуин.

Ярко-голубые глаза стали казаться еще больше и холоднее на фоне высоких скул и впалых щек. Несмотря на популярность худобы, меня не порадовали такие перемены. Я выглядела сломленной внутри и снаружи.

Я распустила стянутые резинкой волосы, расчесалась и на скорую руку заплела некое подобие косы, спадающей на одно плечо. Я уже знала, куда направлюсь.

Пошарив в шкафу с одеждой, я достала спортивные брюки

и свободную толстовку, доставшуюся мне от Артема. Знаю, стоило бы избавиться от его вещей, но, кажется, я все еще испытывала зависимость от запаха порошка, которым всегда пахло в ванной нашей съемной квартиры.

Забавно, но все происходит именно так: нас больше не интересует жизнь человека, который когда-то был очень близок, но мы продолжаем цепляться за моменты, связанные с ним. Его запах, его одежда, его любимая музыка в моем плере, его чашка и мои слезы в ней. Как бы больно это ни было, я еще не готова оторвать от себя воспоминания. Возможно, это единственное, что пока еще держит меня и не дает рассыпаться под натиском растущей внутри пропасти.

Наспех запихнув незавязанные шнурки в кроссовки, я вышла из дома. Огромный город уже проснулся, хотя спал ли он? Толпы спешащих людей, машин, трамваев, звонков и поступков. Мы не выбираем время для нашей жизни, она делает это сама. Ей плевать, что ты только что проснулась и еще даже не завтракала, она уже спешит подложить очередную свинью на твоем пути.

Возможно, подобные мысли покажутся мрачными, однако это именно то, что я видела вокруг себя. Нереализованные желания, подавленные чувства, потраченное время. Я нарочито медленно шла, раздражая этим тех, кто раз за разом врзался в меня грузным телом или острым плечом.

Я скрыла лицо под капюшоном и нырнула в остановившийся автобус. Признаться честно, я даже не знала номер

маршрута, просто была уверена, что он привезет меня туда, куда мне больше всего было нужно. Судя по средней наполненности салона, маршрут был не самый популярный и явно не вел в центр мегаполиса. Тем лучше. Я осмотрелась и присела на одиночное сиденье в самом начале салона. Все это время меня не покидало ощущение липкого внимания, направленного на мою персону.

Я скинула капюшон и обернулась. С соседнего сиденья на меня пристально смотрел крайне странный мужчина лет пятидесяти. Его угловатую фигуру скрывал длинный потертый плащ грязно-коричневого цвета, спутанные темные волосы обрамляли острое небритое лицо, узкие холодные глаза смотрели сквозь меня. Нельзя сказать, что подобный спутник не напугал меня, однако моя озлобленность на окружающий мир сыграла на руку, и страх никак не отразился на моем лице.

— Проблемы? — в лоб спросила я, на всякий случай сжав кулаки.

— Проблемы у тебя, если ты меня видишь, — мужчина усмехнулся и подмигнул мне.

— Что вы имеете в виду? — я немного опешила, но кулаки так и не разжала.

— Даже немного жаль тебя, — ничего не объяснив, он учтиво поклонился и вышел из остановившегося автобуса.

Только автобус тронулся, я соскочила с места, чтобы посмотреть на мужчину на остановке, но, увы, он уже скрыл-

ся из виду. Я осмотрелась. Девушка, сидевшая позади меня, должна была видеть бродягу, однако она была увлечена своим телефоном, поэтому я решила, что с нее нечего взять. Среди ее волос виднелись провода наушников, значит, разговор она тоже не слышала.

Я тряхнула головой и глянула в окно. Это место было мне знакомо. Более того, это было именно то место, в котором я нуждалась сейчас. Я вышла из автобуса и присела на скамейке около остановки. Мне просто нужна была минута, чтобы прийти в себя после загадочной встречи.

Наконец, списав все на сумасшествие бродяги, я поднялась, оттряхнула брюки и направилась по дороге туда, куда вела меня память. Меня окружали небольшие домики деревенского типа, растущие на окраинах многих крупных городов. Я помнила, что там, за этими домиками, меня ждет место, в котором я не была с тех пор, как десять лет назад из семьи ушел отец. Сейчас мне уже не тринадцать, и идти в одиночку по незнакомой дороге не так страшно. Когда мне хотелось сбежать от всего, что меня пугало, — ноги сами вели меня сюда. В наше с отцом тайное место.

Теперь спустя столько времени, я снова оказалась около старого заброшенного всеми пруда. Ничего не изменилось с тех пор. Даже там, в камышах и траве, где спуск к воде более или менее чистый, до сих пор лежало трухлявое бревно, благодаря которому я смогла найти именно это место. Это то самое бревно, на котором я сидела, оплакивая свою раз-

рушенную семью. С этого бревна я кидала в воду камни, а вместе с ними и проклятья в адрес отца и его новой семьи. На этом бревне я нацарапала свое имя, когда мне было семь, и отец, управляя ржавым ножичком в моей руке, рассказывал, что Вероникой меня назвали в честь его матери, которая почему-то никогда нас не навещала.

Сейчас мне двадцать пять, а это место по-прежнему придает мне особую силу. Я присела на бревно. Мне пришлось наклониться вперед, чтобы отыскать надпись.

— Вероника, — прочла я шепотом и ладонью провела по царапинам на дереве.

Здесь меня покинула злоба и желание послать все к черту. Однако на смену злости пришло состояние упадка и полной неизвестности. Жизнь будто обнулилась и никак не спешила начаться с чистого листа. Красиво и романтично, как это всегда случается в фильмах.

Я вспомнила потрепанного судьбой мужчину из автобуса и его слова о том, что ему меня жаль. Что он имел в виду? Я озадаченно пялилась в переливающуюся пасмурными оттенками гладь пруда, пытаясь уловить хоть какой-то смысл в его словах. Но эти мысли только больше нагнетали обстановку.

Надо мной начали сгущаться тучи, поэтому я решила, что пора возвращаться. Выбрав в плеере папку с многообещающим названием «На печальный случай», я вставила в уши наушники и двинулась в обратном направлении.

Автобус, который часа три назад подхватил меня прямо от

моего дома и довез до пруда, сейчас решил к дому не ехать. Дышащий на ладан, он остановился на обочине. Около пятнадцати минут немногочисленные пассажиры слушали искусный мат водителя, рассматривающего колеса старого автобуса. Скоро терпению многих пришел конец. Постепенно пропадала и вера в продолжение поездки на этом транспорте.

В числе потерявших веру была и я. Вместе с остальными я вышла из автобуса, решив остаток пути пройти пешком. Чувство необъяснимой тревоги засело внутри. Я уже испытала то же самое утром в автобусе. Разумеется, странная встреча с человеком в плаще немного сбивала с толку, и я никак не могла перестать думать об этом.

Шум окружающего мира заглушала песня «Rain» группы Breaking Benjamin. Как по заказу начался ливень. Я усмехнулась собственной удачливости, однако не последовала примеру людей, прячущихся под козырьками магазинов и прочих заведений.

Я остановилась на переходе в ожидании зеленого света. Между тем дождь буквально стеной стоял перед моим лицом, мешая разглядеть светофор, а тревога только нарастала внутри. В знак протеста погоде и беспокойству я лишь сделала песню громче.

На секунду сердце буквально остановилось. Мне показалось, что там, за стеной дождя, на противоположной стороне дороги стоит мой отец, такой же молодой, как и много лет

назад. Я не могла отвести взгляд от его лица, убеждая себя в том, что это не он, но в следующую секунду мозг начал активно продумывать поведение на случай, если он меня узнает.

Обнять его или пройти мимо? Я так вострепелась, что даже обида на отца на мгновение куда-то улетучилась. Мои губы задрожали то ли от холода, то ли от попытки сдержать детскую наивную улыбку. Он смотрел на меня. На миг все вокруг исчезло. Машины, люди, поток дождя с неба. Я видела только его большие глаза – такие же голубые, как у меня.

Отец был встревожен. Наверное, волнуется, как я. Не знает, как вести себя со мной, что сказать мне. Я ободряюще улыбнулась ему и помахала рукой. В ответ на это его глаза округлились в удивлении, а через секунду он глянул на светофор и активно замотал головой из стороны в сторону, словно пытаясь предупредить меня о чем-то. Но тогда я была поглощена детскими чувствами, рвущимися из меня навстречу отцу.

Поток машин агрессивно свистел, разбрасывая воду из стороны в сторону. Краем глаза сквозь косые иглы дождя я уловила, как молодой парень, все это время стоявший рядом со мной, шагнул вперед, не дождавшись зеленого света.

Ни секунды не думая, я метнулась за ним, в попытке ухватить парня хотя бы за рукав, но только я коснулась его, как он тут же исчез, будто дождь рассек его на миллиарды таких же капель. Я ощутила сильный удар в область левого бока,

дальше свет отключился. Машины остановились. Мое тело, отброшенное автомобилем, лежало посреди дороги. Дождь смыл кровь с моего лица и затих. В наушниках звучала последняя строчка песни:

All the world is waiting for the sun.

*Перевод: Весь мир в ожидании солнца.

Глава 1. Ника

— Боишься? – усмехается незнакомый голос.

Слишком темно, чтобы понять, где я и с кем я. Опускаюсь на колени и упираюсь ладонями в твердую шершавую поверхность, тяжело глотая пыльный воздух.

— Ответь мне, — требует голос в темноте.

Я приподнимаю голову и широко раскрываю глаза навстречу окружающей меня пустоте. Ощущение собственной беспомощности отзывается дрожью в ноющем от боли теле.

— Кто ты? — говорить тяжело, будто у моего голоса садится зарядка.

— Не видишь меня?

Раздается щелчок, и темнота неспешно покидает поле моего зрения, уступая место фиолетовому зареву ночного неба. Поднимаюсь с колен и делаю несколько шагов вперед, оказываясь у края крыши высотного здания. Бросаю мимолетный взгляд вниз. Этажей пятнадцать, не меньше. Где-то внутри сжимается сердце. Ватные ноги отказываются держать меня, и я опускаюсь на поверхность крыши, вцепившись побелевшими пальцами в бортик, отделяющий меня от холодной пустоты осеннего неба.

Вдалеке слышны вопли. Жуткие. Нечеловеческие. Все еще не понимаю, где я: во сне, в незнакомом прошлом или на грани пророчества.

— Нравится? — вдохновенно шепчет голос за моими плечами.

Неспешно оборачиваюсь, желая и в то же время опасаясь встречи с невидимым собеседником, как вдруг все исчезает.

Я снова открыла глаза и обнаружила себя на кровати в родной комнате, озаренной нежным летним рассветом. Еще несколько минут я не могла оторваться от созерцания трещинки на потолке, пока пыталась воссоздать в голове детали сна. Неприятная слабость охватила тело, приковывая его к холодной постели.

Окно было распахнуто настежь. Июньская свежесть холодила тело тысячами мелких иголочек. Хотелось съежиться, но я не могла заставить себя пошевелиться.

Не знаю, сколько прошло времени, когда мерзкая липкость после страшного сна отпустила мое тело, и я наконец пришла в себя. Стянув с себя невидимую паутину, я аккуратно села на кровати. Тело с неохотой реагировало на приказы мозга.

Собравшись с мыслями, я поднялась и подошла к окну. Вид с седьмого этажа сильно уступал по силе воздействия на подсознание виду из моего сна, однако я почему-то вцепилась в подоконник, всматриваясь в крыши соседних пятиэтажек. Странное ощущение не покидало меня. Мне и раньше снились неприятные сны, но только сейчас все было настолько реально, что я потеряла контроль над собственным разумом и телом. Более того, мне по-прежнему мерещилось

чье-то присутствие.

Я внимательно осмотрела комнату. На столе у окна разбросаны бумаги, вероятно, потревоженные ветерком из раскрытого окна. Мерно мигает синим кнопка монитора. Часы на полке выше стола толкают стрелки к пяти часам утра. От рабочего стола перекинула пристальный взгляд на кровать у стены. Ничего необычного, кроме постели, смятой так, будто эту ночь я провела в ней не одна. Шкаф возле кровати угрюмо посмотрел на меня в ответ сквозь высокие зеркала. На пару секунд я задержалась на своем отражении.

В длинной белой футболке бывшего парня я отчасти напонила себе пациентку психиатрической лечебницы. Растрепаные темные косы, как и постель, намекали на мое беспокойное поведение этой ночью. Столкнувшись с собственным взглядом в отражении, я вздрогнула и тут же отвела глаза, признавая победу двойника, усмехающегося мне из зазеркалья.

Я осмотрела кресло и книжную полку справа от окна и поймала себя на мысли, что давно не протирала пыль в этой области комнаты. Я тихо подошла к полке, уходящей вверх под самый потолок. Пробежавшись пальцами по пыльной деревянной поверхности, я уперлась в настольный светильник. Читая в кресле, я всегда направляла его так, чтобы свет падал из-за моего плеча на страницы книги. Сейчас светильник был изогнут так, будто прошлой ночью я читала, сидя на полу у кресла, чего я не делала, если, конечно, моя память

верна мне. Полка выше еще со школьных лет была отведена под любимые фотографии. Я осмотрела каждую рамку, снова и снова переживая моменты, запечатленные на снимках.

Вот мама улыбается, сидя на сочной зеленой траве где-то в лесу недалеко от города, - это наш первый совместный выходной после моего выпускного в школе. На следующем снимке я впервые встала на ролики и была так неуклюжа, что мой близкий друг не мог этого не запечатлеть. А вот и фото этого друга: мой дорогой Пашка, сжимающий меня в своих крепких объятиях на этом черно-белом снимке. Это фото всегда вызывает ностальгию по университетским дням, когда мы с ним были неразлучны. А сейчас его супруга считает меня опасным объектом, которому не рекомендуется приближаться к их браку. Так смешно и так больно одновременно.

Я перешла к следующей фотографии и застыла. Одного снимка в рамке не хватало. Фото, на котором я стою в белом платье и с полевыми цветами в волосах, куда-то пропало. Я внимательно пошарила рукой в пространстве между полкой и книжным рядом, но ничего не нашла. Я еще раз осмотрела всю комнату, фотографии нигде не было. Ничего, позже спрошу у мамы. Вероятно, она взяла ее для какой-нибудь особо важной миссии.

Из размышлений меня выдернул резкий звонок в соседней комнате. Мамин будильник настойчиво верещал еще несколько секунд, пока мама не хлопнула его по металличе-

ской крышечке. Пять двадцать. Теперь мое утро официально началось.

Уже через пару минут в комнату проник аромат крепкого кофе, и я, словно ведомая им, на цыпочках направилась на кухню.

Мама наполовину высунулась в раскрытое настежь окошко, торопливо докуривая тонкую сигаретку. Сквозь окно в кухню прошмыгнул едкий сигаретный дым вперемешку с запахом мокрой травы, доносящимся откуда-то снизу.

— Разве ты не бросила? — мой укор отточенным лезвием гильотины разорвал тишину, царящую в кухне.

Застигнутая врасплох, мама поперхнулась дымом и, откашлявшись, слезла с подоконника. Избегая смотреть мне в глаза, она начала предпринимать бурную деятельность по приготовлению бутербродов на завтрак.

— Мам? — я присела на стул прямо за ней, ожидая ответа.

Мама повернулась ко мне и, с видом нашкодившего ребенка поправив выбившуюся из пучка белокурую прядь волос, виновато пробормотала:

— Я бросила. Почти, — она тяжело вздохнула. — Это все нервы. Мне снился плохой сон, — оправдалась она.

Я сделала глоток кофе из ее чашки и понимающе кивнула, на время забыв о проблеме курения в нашей маленькой семье.

— Да, мне тоже сегодня кошмарилось, — на выдохе согласилась я.

— Это из-за духоты, — предположила мама. — Хорошо, что жара спала. Сегодня обещают грозу.

Она включила радио, и комнату наполнили звуки поп-новинок этого лета. Я нехотя закинула в себя небольшой бутерброд с маслом и джемом и выпила половину чашки кофе, который мама приготовила для себя.

— Есть собеседования на сегодня? — спросила мама, старательно впихивая куриную котлету в пластиковый контейнер.

Вопрос собеседований стоял как нельзя остро. Впрочем, не острее, чем все остальные вопросы моей жизни. Но обо всем по порядку.

— Нет, пока ничего не намечено, хотя я открыта к предложениям, — я натянула бодрую улыбку, но мама, уловив фальшь, нахмурилась.

— Мне жаль, что все так вышло, — она склонилась надо мной и чмокнула меня в лоб. Запах сигарет и кофе на секунду затмил мое обоняние.

— Все нормально. Бог бережет меня для лучшего начальника и лучшего парня, — отмахнулась я.

Мама закончила завтрак и отлучилась в душ. Прихватив оставшуюся половину кофе, я вернулась в свою комнату. По привычке села на подоконник, глубоко вдыхая утреннюю прохладу и рассматривая очертания церкви и многоэтажек вдали.

Жизнь действительно приобретала какой-то непонятный

цвет. Какой цвет олицетворяет то, что в командировке меня пытался изнасиловать мой руководитель, а в это время жёных на нашей постели познавал эрогенные зоны моей подруги? Кажется, это что-то коричневое. Да, определенно коричневое. И не имеющее никакого отношения к шоколаду.

Я поморщилась, вспомнив события последних двух месяцев. Наверное, я вполне пережила бы то, что случилось в Каире. В конце концов, я поняла, что в момент паники напрочь забываются все приемы самообороны и в ход идет все, чем можно ударить. Мне здорово помогла дорогая пепельница. Спасибо дизайнерам отеля и, конечно, самому Громову за то, что он курит. Наверное, именно из-за него я теперь начинаю терять самообладание, когда моего обоняния касается сигаретный дым.

В голове промелькнули картинки той ночи в люксе отеля. Я принесла Громову документы по закрытой этим же вечером сделке. Номер был открыт, я вошла и осмотрелась. Нетронутая постель; костюм, брошенный на пуф. Я прошла вперед в поисках начальника.

Приглушенный свет и расслабляющая музыка сразу заставили меня напрячься, но не успела я распознать где-то внутри инстинкт самосохранения, как из ванной позади меня вышел Громов с полотенцем на поясе. Одним движением руки он захлопнул входную дверь и направился ко мне.

— Весь вечер этого хотел, — он с силой прижал меня к стене, свалив попутно вазу с цветами.

Холодная вода полоснула ноги, и мой мозг очнулся. Я уперлась рукой в грудь Громова, по-овечьи бляя о том, что не понимаю, чего он хочет. Такое поведение шефа действительно было для меня сюрпризом. За два года, что я провела в его офисе в качестве личного помощника, он ни разу не подал ни малейшего признака интереса к моей персоне. Я знала его жену, его детей. Я видела, с каким трепетом он относится к своей семье.

— Константин Викторович, я принесла документы, — дрожащим голосом выдавила я, уворачиваясь от его поцелуев. В ответ на это он лишь громко рассмеялся и, кажется, завелся еще больше.

Бумаги посыпались на пол, я пыталась оттолкнуть мужчину, но тщетно — я слишком сильно уступала ему в габаритах.

— Расслабься, тебе понравится, — пьяно шептал он, облизывая мою шею и крепко сжимая запястья.

— Я буду кричать, — предупредила я и глубоко вдохнула, чтобы крикнуть, однако в эту же секунду в мое лицо прилетела хлесткая мужская пощечина.

Кажется, на мгновение я даже отключилась. Погас свет, и стихла музыка, но я четко осознавала, что мое тело, будто куклу, кинули на кровать. Я чувствовала, как чужие руки рвут на мне блузку и грубо сдавливают грудь. Шок после удара начал сходиться, и я снова могла все видеть и даже владеть своим телом. Попытавшись выгнуться, я нарвалась на очередной удар — на этот раз менее сильный.

Громов отвлекся на молнию на моей юбке, а я нашарила пепельницу на прикроватной тумбе и, собрав в трясущийся кулак всю свою заячью смелость, ударила мужчину по голове. Его тело обмякло, прижав меня к кровати. Дрожа и всхлипывая, я сдвинула его и смогла выбраться.

У меня не было никакого желания проверять, жив он или нет. Я выскочила из номера и уже через несколько часов я нервно озиралась по сторонам, стоя под табло в аэропорту. Мне казалось, что сейчас он выскочит из-за толпы пассажиров и, окровавленный, укажет на меня пальцем. К слову, на мне все еще была рваная блузка и пленка его грязных поцелуев.

Плотнее укутавшись в легкий плащ, я снова уткнулась в расписание на табло. Уже через час я буду в самолете, где он меня не достанет. А еще через пять часов я рухну в объятия жениха, расплачусь и расскажу все. Он, конечно, разозлится и непременно отомстит за меня. Увы, тогда, сидя в самолете и мечтая о каменной защите любимого, я еще не знала, что эта ночь никогда не закончится.

А вот кофе в моей чашке закончился быстро. Я проводила маму на работу, пообещав ей не сидеть на подоконнике у открытого окна и взяв с нее ответное обещание не курить в течение дня.

Окунувшись в неприятные воспоминания, я снова ощутила на себе всю ту грязь, потому с подоконника я переместилась в теплую ванну с пеной. Лежа в воде, я уже не мог-

ла бороться с воспоминаниями. Ступишь туда одной ногой – погрязнешь весь.

В памяти всплыл один момент. Я так же лежала в ванне, перебирая пальцами пену, а рядом на перевернутом ведре сидел мой тогда еще любимый человек. Артем читал что-то об открытии многомиллионного бизнеса практически с нуля, а я разглядывала его светлую кудрявую шевелюру, морщинки на лбу и плотно сжатые губы, и меня устраивало абсолютно все – скрипучий диван, стул без спинки, ванная с местами обвалившейся плиткой и прочие прелести съемной квартиры класса «подешевле». Мне нужен был только Артем со всеми его бредовыми идеями и любовью к неглаженным футболкам.

В сердце что-то шевельнулось, и по щеке прямо в воду побежали слезы. Так же устало плача, я ехала ранним утром в такси из аэропорта. Грязная, пахнувшая алкоголем и дорогим мужским парфюмом, я с трудом поднялась на пятый этаж и нашарила ключ на дне сумки.

Тяжелая дверь бесшумно открылась, и я вошла. С порога я ощутила запах благовоний, тянущийся откуда-то из спальни. Скинув верхнюю одежду, я прошла в комнату, стараясь ступать как можно тише, чтобы не разбудить и не напугать Артема, который знает, что я должна вернуться только через пару дней.

Однако на пороге комнаты мне пришлось остановиться. В моей постели, освещенные бледным рассветом, лежали го-

лые тела моего Артема и моей Марины. Я застыла, не зная, как реагировать. Слезы, кажется, уже кончились. Сказывалась усталость. Я подошла ближе и, взяв одеяло за уголок, стянула его на пол.

Первым проснулся Артем. Он протер глаза и уставился на меня, пытаюсь понять, реальность это или сон.

— Ника? — не веря своим глазам, спросил он.

Я только пожала плечами и осуждающе покачала головой. Слов было много, но они будто столпились в ком где-то посреди глотки, не давая мне ни говорить, ни дышать. Дрожь снова охватила тело, и я, шатаясь, направилась к выходу из квартиры. Я слышала скрип того самого дивана, голос Марины, мат Артема и что-то еще.

— Ника, подожди, — в коридоре появилась Марина, укутанная в простыню с глупым цветочным узором. Всегда ненавидела это постельное белье.

Марина подошла ближе, пряча глаза за длинной челкой.

— Ты же знаешь, что я его со школы люблю, а он тебя выбрал, — оправдывалась она.

Я осмотрела ее, стоящую передо мной в простыне, с растрепанными рыжими волосами, и вдруг истерически рассмеялась. Пока там, в вонючем номере отеля, я терпела приставания пьяного уроды, здесь Артем защищал Марину от одиночества и неразделенной любви.

Что было сил, я хлестнула Марину по щеке. Бить в этот вечер мне удавалось особенно хорошо. Моя бывшая подру-

га вскрикнула и разрыдалась. Из комнаты вышел Артем. Кажется, он что-то говорил о любви, но кто и кого любил, я уже не слышала. Мою любовь предали, а чужая меня не интересовала. В рваной блузке и грязной юбке я вышла навстречу просыпающемуся городу. В тот самый момент мне хотелось исчезнуть навсегда без возможности видеть, слышать, чувствовать и помнить. Но я лишь поймала такси и вернулась к маме.

Пока я оплакивала свое недавнее прошлое, вода в ванне остыла. Я вылезла из ванны, случайно глянув в зеркало, остановилась и осмотрела себя. За эти месяцы я похудела на несколько килограмм, и теперь вместо стройной спортивной девушки в зеркале видела измученную барышню. Кажется, труп невесты – уже не просто образ на Хэллоуин.

Ярко-голубые глаза стали казаться еще больше и холоднее на фоне высоких скул и впалых щек. Несмотря на популярность худобы, меня не порадовали такие перемены. Я выглядела сломленной внутри и снаружи.

Я распустила стянутые резинкой волосы, расчесалась и на скорую руку заплела некое подобие косы, спадающей на одно плечо. Я уже знала, куда направлюсь.

Пошарив в шкафу с одеждой, я достала спортивные брюки и свободную толстовку, доставшуюся мне от Артема. Знаю, стоило бы избавиться от его вещей, но, кажется, я все еще испытывала зависимость от запаха порошка, которым всегда пахло в ванной нашей съемной квартиры.

Забавно, но все происходит именно так: нас больше не интересует жизнь человека, который когда-то был очень близок, но мы продолжаем цепляться за моменты, связанные с ним. Его запах, его одежда, его любимая музыка в моем плечере, его чашка и мои слезы в ней. Как бы больно это ни было, я еще не готова оторвать от себя воспоминания. Возможно, это единственное, что пока еще держит меня и не дает рассыпаться под натиском растущей внутри пропасти.

Наспех запихнув незавязанные шнурки в кроссовки, я вышла из дома. Огромный город уже проснулся, хотя спал ли он? Толпы спешащих людей, машин, трамваев, звонков и поступков. Мы не выбираем время для нашей жизни, она делает это сама. Ей плевать, что ты только что проснулась и еще даже не завтракала, она уже спешит подложить очередную свинью на твоем пути.

Возможно, подобные мысли покажутся мрачными, однако это именно то, что я видела вокруг себя. Нереализованные желания, подавленные чувства, потраченное время. Я нарочито медленно шла, раздражая этим тех, кто раз за разом врзался в меня грузным телом или острым плечом.

Я скрыла лицо под капюшоном и нырнула в остановившийся автобус. Признаться честно, я даже не знала номер маршрута, просто была уверена, что он привезет меня туда, куда мне больше всего было нужно. Судя по средней наполненности салона, маршрут был не самый популярный и явно не вел в центр мегаполиса. Тем лучше. Я осмотрелась и

присела на одиночное сиденье в самом начале салона. Все это время меня не покидало ощущение липкого внимания, направленного на мою персону.

Я скинула капюшон и обернулась. С соседнего сиденья на меня пристально смотрел крайне странный мужчина лет пятидесяти. Его угловатую фигуру скрывал длинный потертый плащ грязно-коричневого цвета, спутанные темные волосы обрамляли острое небритое лицо, узкие холодные глаза смотрели сквозь меня. Нельзя сказать, что подобный спутник не напугал меня, однако моя озлобленность на окружающий мир сыграла на руку, и страх никак не отразился на моем лице.

— Проблемы? — в лоб спросила я, на всякий случай сжав кулаки.

— Проблемы у тебя, если ты меня видишь, — мужчина усмехнулся и подмигнул мне.

— Что вы имеете в виду? — я немного опешила, но кулаки так и не разжала.

— Даже немного жаль тебя, — ничего не объяснив, он учтиво поклонился и вышел из остановившегося автобуса.

Только автобус тронулся, я соскочила с места, чтобы посмотреть на мужчину на остановке, но, увы, он уже скрылся из виду. Я осмотрелась. Девушка, сидевшая позади меня, должна была видеть бродягу, однако она была увлечена своим телефоном, поэтому я решила, что с нее нечего взять. Среди ее волос виднелись провода наушников, значит, раз-

говор она тоже не слышала.

Я тряхнула головой и глянула в окно. Это место было мне знакомо. Более того, это было именно то место, в котором я нуждалась сейчас. Я вышла из автобуса и присела на скамейке около остановки. Мне просто нужна была минута, чтобы прийти в себя после загадочной встречи.

Наконец, списав все на сумасшествие бродяги, я поднялась, оттряхнула брюки и направилась по дороге туда, куда вела меня память. Меня окружали небольшие домики деревенского типа, растущие на окраинах многих крупных городов. Я помнила, что там, за этими домиками, меня ждет место, в котором я не была с тех пор, как десять лет назад из семьи ушел отец. Сейчас мне уже не тринадцать, и идти в одиночку по незнакомой дороге не так страшно. Когда мне хотелось сбежать от всего, что меня пугало, — ноги сами вели меня сюда. В наше с отцом тайное место.

Теперь спустя столько времени, я снова оказалась около старого заброшенного всеми пруда. Ничего не изменилось с тех пор. Даже там, в камышах и траве, где спуск к воде более или менее чистый, до сих пор лежало трухлявое бревно, благодаря которому я смогла найти именно это место. Это то самое бревно, на котором я сидела, оплакивая свою разрушенную семью. С этого бревна я кидала в воду камни, а вместе с ними и проклятья в адрес отца и его новой семьи. На этом бревне я нацарапала свое имя, когда мне было семь, и отец, управляя ржавым ножичком в моей руке, рассказы-

вал, что Вероникой меня называли в честь его матери, которая почему-то никогда нас не навещала.

Сейчас мне двадцать пять, а это место по-прежнему придает мне особую силу. Я присела на бревно. Мне пришлось наклониться вперед, чтобы отыскать надпись.

— Вероника, — прочла я шепотом и ладонью провела по царапинам на дереве.

Здесь меня покинула злоба и желание послать все к черту. Однако на смену злости пришло состояние упадка и полной неизвестности. Жизнь будто обнулилась и никак не спешила начаться с чистого листа. Красиво и романтично, как это всегда случается в фильмах.

Я вспомнила потрепанного судьбой мужчину из автобуса и его слова о том, что ему меня жаль. Что он имел в виду? Я озадаченно пялилась в переливающуюся пасмурными оттенками гладь пруда, пытаясь уловить хоть какой-то смысл в его словах. Но эти мысли только больше нагнетали обстановку.

Надо мной начали сгущаться тучи, поэтому я решила, что пора возвращаться. Выбрав в плеере папку с многообещающим названием «На печальный случай», я вставила в уши наушники и двинулась в обратном направлении.

Автобус, который часа три назад подхватил меня прямо от моего дома и довез до пруда, сейчас решил к дому не ехать. Дышащий на ладан, он остановился на обочине. Около пятнадцати минут немногочисленные пассажиры слушали искусный мат водителя, рассматривающего колеса старого ав-

тобуса. Скоро терпению многих пришел конец. Постепенно пропадала и вера в продолжение поездки на этом транспорте.

В числе потерявших веру была и я. Вместе с остальными я вышла из автобуса, решив остаток пути пройти пешком. Чувство необъяснимой тревоги засело внутри. Я уже испытала то же самое утром в автобусе. Разумеется, странная встреча с человеком в плаще немного сбивала с толку, и я никак не могла перестать думать об этом.

Шум окружающего мира заглушала песня «Rain» группы Breaking Benjamin. Как по заказу начался ливень. Я усмехнулась собственной удачливости, однако не последовала примеру людей, прячущихся под козырьками магазинов и прочих заведений.

Я остановилась на переходе в ожидании зеленого света. Между тем дождь буквально стеной стоял перед моим лицом, мешая разглядеть светофор, а тревога только нарастала внутри. В знак протеста погоде и беспокойству я лишь сделала песню громче.

На секунду сердце буквально остановилось. Мне показалось, что там, за стеной дождя, на противоположной стороне дороги стоит мой отец, такой же молодой, как и много лет назад. Я не могла отвести взгляд от его лица, убеждая себя в том, что это не он, но в следующую секунду мозг начал активно продумывать поведение на случай, если он меня узнает.

Обнять его или пройти мимо? Я так встрепелулась, что даже обида на отца на мгновение куда-то улетучилась. Мои губы задрожали то ли от холода, то ли от попытки сдержать детскую наивную улыбку. Он смотрел на меня. На миг все вокруг исчезло. Машины, люди, поток дождя с неба. Я видела только его большие глаза – такие же голубые, как у меня.

Отец был встревожен. Наверное, волнуется, как я. Не знает, как вести себя со мной, что сказать мне. Я ободряюще улыбнулась ему и помахала рукой. В ответ на это его глаза округлились в удивлении, а через секунду он глянул на светофор и активно замотал головой из стороны в сторону, словно пытаюсь предупредить меня о чем-то. Но тогда я была поглощена детскими чувствами, рвущимися из меня навстречу отцу.

Поток машин агрессивно свистел, разбрасывая воду из стороны в сторону. Краем глаза сквозь косые иглы дождя я уловила, как молодой парень, все это время стоявший рядом со мной, шагнул вперед, не дождавшись зеленого света.

Ни секунды не думая, я метнулась за ним, в попытке ухватить парня хотя бы за рукав, но только я коснулась его, как он тут же исчез, будто дождь рассек его на миллиарды таких же капель. Я ощутила сильный удар в область левого бока, дальше свет отключился. Машины остановились. Мое тело, отброшенное автомобилем, лежало посреди дороги. Дождь смыл кровь с моего лица и затих. В наушниках звучала последняя строчка песни:

All the world is waiting for the sun.

*Перевод: Весь мир в ожидании солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.